

Анни Казенаве

ПИРЕНЕЙСКИЙ КРАЙ СРЕДИ БУРЬ: ОТ РЕПРЕССИЙ ДО НЕЗАВИСИМОСТИ

перевод Н. Дульневой

Католическую Церковь поддерживал сам король Франции, но этого не делали упрямые местные сеньоры. Графы де Фуа поступали так же - они сопротивлялись, не давая забыть вкус независимости на своих землях, вопреки коронованным особам... Таковы уж они были!

Поражение вооруженного сопротивления (лангедокцы восстали летом 1240 года) лишило непокорных политической поддержки. Керибюс (иллюстрация 2), «гнездо еретиков и бунтовщиков», был сдан только в 1255 году, но это был всего лишь редут, а вот замок Монсегюр был *caput ecclesiae*, главой Церкви, обезглавленной после 1244 года. Те, кто не пожелал склонить головы, сделались подпольщиками. Многочисленная иммиграция из Сабартес^[1] доказывает, насколько люди осознавали грозящую им опасность. Община начала рассеиваться.

Иллюстрация 1. Арест святой Екатерины, фреска для кафедрального Собора в Сеу д'Уржель, XIII ст. Барселона, Музей национального искусства Каталонии. Святая

Екатерина (III ст.) была приговорена за свою веру к наказанию колесованием, а затем ей отрубили голову.

Начало конца

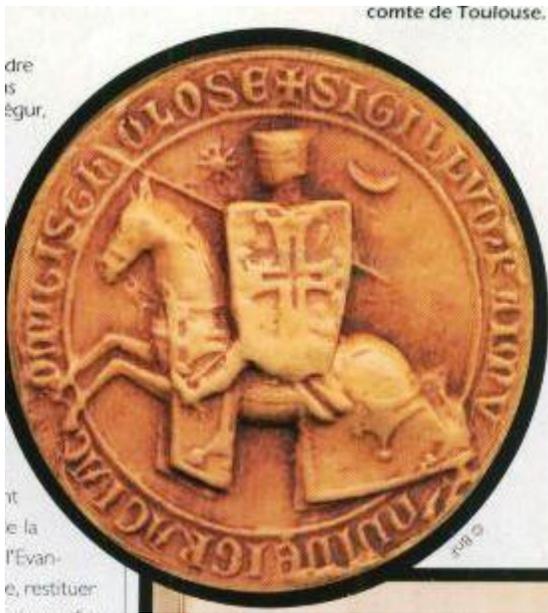
На южном склоне Пиренеев усилилась междоусобная борьба, в которой участвовали епископы и местные феодальные сеньоры. Вскоре эта борьба приобрела чисто религиозный оттенок. В 1232 г. папа Григорий IX предписал архиепископу Таррагоны и его подчиненным преследовать еретиков, но, кажется, прелаты больше блюли собственные интересы. Они начали интриговать против трибунала Инквизиции, доверенного доминиканцам, парализуя его деятельность и обвиняя братьев-проповедников во вмешательстве в чужие дела. Последние действительно не зависели ни от кого, кроме папы: их юрисдикция распространялась за границы епархии, охватывая все очаги ереси.

Генерал их ордена, Рамон де Пеньяфорт, написал учебник, который использовался как в Каталонии, так и в Лангедоке, и в 1255 г., обвинив в коррупции епископа Уржеля Понса де Вилямюра, сумел сместить последнего. Начались необратимые процессы. В 1236 году вигуйе Сердани, сеньор Доннезана, был осужден на вечное заточение. Роже Бернар тоже вынужден был склониться перед Инквизицией, и передать свое виконтство в руки виконта Раймона Фуля де Кордона. В 1238 году, в Пючсерда, в очередной раз покорился и воссоединился с Церковью Рамон де Жоза, поклявшись вместе с графом дю Палларс изгонять еретиков со своих земель.

Иллюстрация 2. Замок Керибюс. Людовик XI, король Франции, отдал приказ покончить с последними еретическими бастионами в Лангедоке. Монсегюр, Керибюс и Ниорт были последними укреплениями, где находили приют катары.

Иллюстрация 3. Отгиск реверса печати Раймонда VII, графа Тулузского.

Некоторые сеньоры пытались выйти сухими из воды, отвернувшись от серданьца Берната де Лью, женатого на Эксклармонде де Фуа. Они спасали свою землю, отступившись от своих людей. А вот сеньор Гозуль, Госеран де Пиньос, мужественно потребовал отдать ему тринадцать еретиков из его деревни, которые томились в узилище архиепископа Таррагоны. В Берга в 1256 году дали показания сто семьдесят восемь еретиков. В 1257 г. в Лерида разразился другой процесс, от которого у нас остались только приговоры. Преследования коснулись родственников графа де Фуа. Бернат де Лью (Бернар д'Алион), кузен Ниортов и супруг Эксклармонды де Фуа, дочери Раймонда Рожера и Филиппы де Фуа, (которая умерла утешенной), принимал в своем замке еретиков, и множество раз бывал в Монсегюре. Он был арестован в Каталонии со своим кузеном Бертраном де Сото. В сентябре 1258 г. оба сеньора были сожжены в Перпиньяне на площади Канурже, в присутствии короля Арагона. Наконец, в 1258 г. был вынесен посмертный приговор Рамону де Жоза, а в 1269 – Арноду и Эрмессинде де Кастельбо. Главные обвинители Рамона де Жоза использовали юридическую терминологию авторства Раймона де Пеньяфорта: *«Было доказано [...] документами и свидетельствами, что означенный Рамон де*

Жоза был верующим в еретиков, оказывавшим им гостеприимство, укрывателем, пособником и защитником множество раз и до своей смерти, умер рецидивистом и лжецом после фиктивной исповеди... и по этим причинам мы говорим и приказываем, чтобы его кости были изъяты из кладбища верных и выброшены прочь за церковную ограду». После этого осуждения его имущество должно было быть конфисковано, но «из великого милосердия» король простил его семью и не лишил ее наследства. Посмертное осуждение Арнода де Кастельбо, кажется, было спровоцировано конфликтом по поводу прав графа Уржельского на наследование. Обвинитель настаивал на том, что Арнод де Кастельбо виновен в ереси, что подтверждалось многочисленными слухами. Приговор был идентичным: он был осужден на эксгумацию останков, как его дочь Эрмессинда. Автором этого акта был доминиканец Пьер де Кадирета, который возвел в Пючсерда церковь, посвященную святому Петру-Мученику, инквизитору, убитому в Италии в 1252 году и канонизированному в следующем. Но и судьба де Кадирета была незавидной: в 1270 г. он тоже был убит.

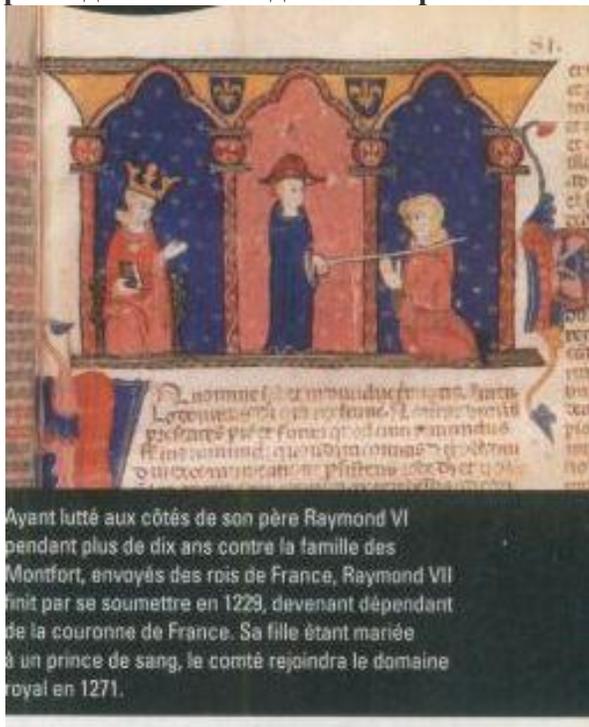
Сеньоры вынуждены покориться

Чтобы удержать Кастельбо, граф де Фуа должен был заплатить королю огромную сумму в сорок пять тысяч барселонских турнусов. Однако все равно ситуация в Каталонии была более благоприятной, поскольку там не знали потрясений, последовавших за крестовым походом.

Несмотря на клеймо еретика, каждый из трех графов смог вырваться из этой ловушки. На следующий день после подписания договора в Мо (в тексте которого граф Роже Бернат II был единственным, кого называли «врагом короля и Церкви»), 15 апреля 1229 года он получил письмо, явственно написанное под чужую диктовку. В нем граф Тулузский склонял Роже Берната последовать собственному примеру и отказаться от временных благ, чтобы не утратить блага

вечные. Ему следовало покориться и быть «принятым в мире». Договор был заключен в Мо и подписан в Сен Жан де Верж; а в нем содержалась цена примирения. В чем следовало поклясться на Евангелии? Искоренять ересь на своей земле, восстановить десятину и церковные свободы, соблюдать и уважать интердикты отлучения, содействовать миру на своей земле и изгнать бунтовщиков, выдавать фаидитов Церкви и королю... Этот текст содержал и чисто феодальные клаузулы, например, такие, что передача фьефа должна происходить по парижским, а не по лангедокским кутюмам. Граф все это пообещал, а в случае, если он не сдержит свою клятву, он должен был передать королю замки Лордат и Монгренье, а его вассалы тогда должны были быть освобождены от своей присяги.

Иллюстрация 4. Граф Тулузский Раймонд VII покоряется королю Франции. Кутюмы Тулузы, Текст Парижского трактата 1229 г. Тулуза, ок. 1296. Париж, Национальная Библиотека Франции, рук. лат. 91187, f41. После десятилетней борьбы на стороне своего отца против семьи Монфортов, посланных королем Франции, Раймон VII закончил тем, что покорился в 1229 г., и сделался зависимым от французской короны. Его дочь вышла замуж за принца крови, а графство Тулузское было присоединено к владениям короны в 1271 году

Преступление ереси не подлежало отмене, и все время оставалась скрытая угроза. Двадцать лет спустя, благодаря верности престарелого байли Мазерес, Раймонда Бернара де Флосса, ранее приближенного к Рожеру Бернару де Фуа, показали себя цепкостью и методы Инквизиции: в течении двух месяцев он находился в Каркассоне, в тюрьме инквизитора, «в ужасных мучениях, в тесных застенках и постоянном голоде». Видя перспективу вернуться туда вновь, и из страха не устоять, он явился в аббатство де Бульбонн и произнес патетическую клятву. Положа руку на Евангелие, *«чувствуя опасность смерти и желая спасения своей души»*, он поклялся, что постоянно находился на службе графа Рожера Бернара, днем и ночью, в обществе четырех других дворян, еще задолго до его болезни и до самого конца; и он видел, как тот исповедовался, почитал крест, принимал тело Христово и вел себя согласно обычаям святой Церкви. *«Никогда я не видел и не имел таких сведений, чтобы кто-либо приводил еретика к графу или в другое место [...] Я подтверждаю под присягой и клянусь спасением моей души, что все, что я здесь сказал, - правда, и что если вследствие мучений и пыток я скажу что-либо противоречащее этому, то буду лжецом и предателем»*. Часто в качестве свидетелей таких актов, составляемых Инквизицией фигурируют цистерцианцы: но, кажется, они выявляли как минимум нежелание следовать ее процедурам.

Битва графов де Фуа

Будучи католиками, Рожер IV (1241-1265) и его сын Рожер Бернар III (1265-1302), были так же тверды в защите своих прав, как и их предки. Королевское повеление обязывало их предписать графским городам не принимать людей, запятнанных ересью, на гражданскую службу; однако, Рожер IV не последовал примеру Альфонса де Пуатье, приказавшему своим байли и вигуйе перед вступлением в должность приносить присягу инквизиторам в том,

что они будут преследовать и арестовывать еретиков и задерживать всех подозрительных, даже просто оклеветанных. Наоборот, граф считал, что волею не назначать на гражданские должности тех, невинность которых была признана, а также сыновей осужденных: «Вина лежит на их родителях, а не на них». Он остро реагировал на всякое посягательство на его право свершения правосудия, и в 1255 году даже пожаловался королю на Инквизицию. Он не желал видеть на своих землях этот чрезвычайный трибунал. Инквизитор лично поселился в доме каноников собора Сен-Волюзьен, чтобы заслушать байли Фуа Пьера Андре, преследуемого за ересь. Тот отказался явиться давать показания и исчез. Граф защитил своего байли: вначале он четыре дня спустя после бегства байли из предосторожности уведомил о происшествии, а затем мужественно обратился к инквизитору Брату Этьену де Гостину с чрезвычайно резким письмом, в котором вступал с ним в дискуссию, обвиняя инквизитора в том, что тот не сделал никаких выводов из своих предыдущих следственных дел, что он спелся с его врагами, чтобы вызвать беспорядки и насилие на его землях, что он захватил тем же манером других его рыцарей и привел их пленниками к кастеляну Монреалья, чтобы совершать всяческий произвол, который принес ему, графу, огромный ущерб, и каковой ущерб кастелян отказывается возмещать... Короче говоря, граф обвинил инквизитора в действиях, выходящих за рамки всякого права.

Его сын продолжал воевать на обоих склонах Пиренеев. В 1272 г граф оказался пленником короля Франции. за то, что занял одну из сторон в феодальной войне. Оказия была столь хороша, что можно даже подозревать короля в том, что было сделано преднамеренно, чтобы захватить графские земли. Но граф заартачился. Тогда уж лучше король Арагона, чем король Франции! Находясь в тюрьме, он приказал провести расследование, которое выявило, что согласно стародавнему праву замок Лордат находится в ленной зависимости от короля Арагона. Кстати, одним из графских следователей был

нотариус Пьер Отье, который закончил свою жизнь на костре. 7 июня, по приказу графа, Пьер де Дюрбан передал ключи от замка Фуа, хранящиеся у него, посланнику короля Арагона Жоффре де Рокаберту. Но все было тщетно. Через месяц король Франции наложил руку на замок Фуа (см. илл. 5 и 6) и приказал ограничить следствие границами графства Фуа. Со средиземноморской стороны это графство должно было ограничиваться «от перевала Пьюморен и вершин, воды с которых текут в Фуа, до перевалов и вершин, разделяющих епархии Тулузы и Уржейля, от Пьюморенс и Фонтаргент до перевалов Баламур, от перевала Боэт до перевала Эрет, от перевала Саурат, который делит воды, разделяющие земли графа и земли Массат, принадлежащие Арноду Испанскому...»

Но захват этих владений вызвал такое короля Арагона, что французские эмиссары вынуждены были оправдываться: снабженные письмами сенешаля Фуа, они отправились в Монпелье к королю Арагона, предоставляя ему доказательства, что по соглашению с королем Людовиком IX, графство Фуа находится во владениях королевства Франция и епархии Тулузы. Кроме того, они попросили его «выгнать из фьефа, принадлежавшего маршалу де Мирпуа, Гийома Рамона де Жоза и многих других каталонцев и испанцев, которые производят множество беспорядков», и уведомили, что «инквизиторы ереси, которым делегирована власть апостольского престола в королевстве Франция, проводят следствие в означенных деревнях и замкам по фактам ереси, и вызывают их жителей в Каркассон, давать перед ними показания». Разумеется, именно это и было причиной беспорядков, от этих вызовов отказывались и против этого протестовали.

Но все же вызов в Каркассон был неизбежен, и вот уже Гийом Рамон де Жоза вновь фигурирует в документах – на этот раз в акте продажи имущества, заключенном Понсом Арнодом де Шатоверден. Понс Арнод спешил совершить эту продажу до того, как его осудят за ересь инквизиторы Каркассона, то есть,

сделать все так, чтобы продажа считалась действительной. Зная, что его ждет, Понс Арнод, спешил продать свое имущество, чтобы избежать секвестра, и Гийом служил в этом деле подставным лицом.

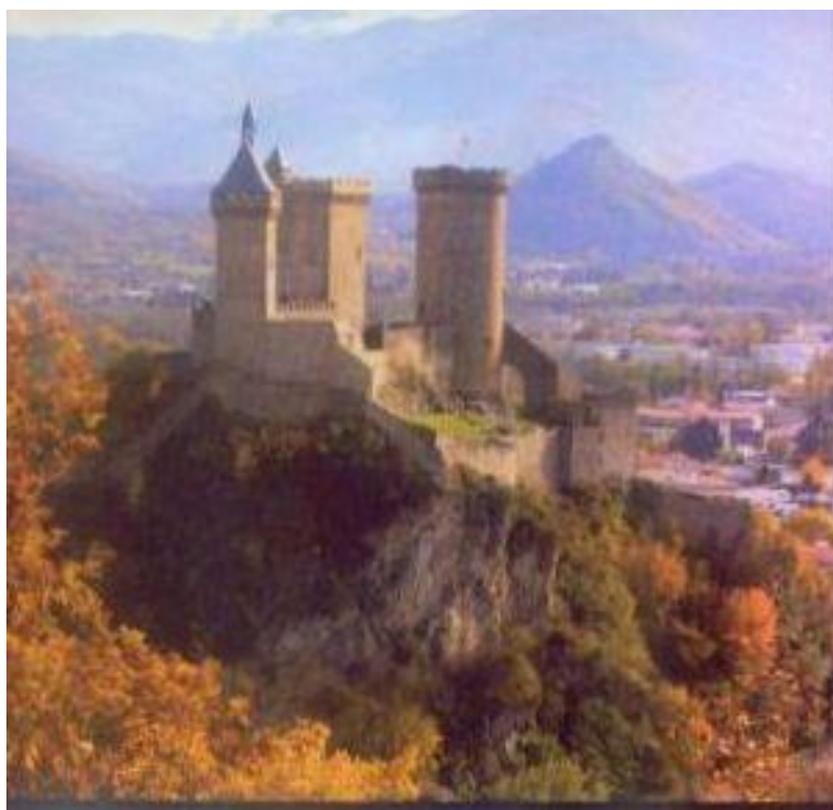
Подобная процедура часто применяется и впоследствии. Поскольку приговор Инквизиции приводил к конфискации имущества королевской юстицией, управление «штрафами» за ересь было важным источником доходов. Таким образом, рвение в области репрессий обогащало как короля Франции, так и короля Арагона. Среди множества таких случаев фигурирует дело в Фенуийидес, региона, находящегося в приграничной области: в 1262 году инквизитор Понс де Пужет осудил память Пьера де Фенуьет, который умер, получив утешение, и приказал, чтобы его труп был эксгумирован и сожжен. Конечно, он превысил свои полномочия, поскольку виконтство де Фенуийидес находилось в ленной зависимости от короля Арагона, и Пьер де Фенуийет, который стал наследником в 1242 году, не мог быть осужден в Лангедоке, в том числе и посмертно. Но с течением времени наследники проиграли процесс и утратили свою землю. Управление доходами вызывало, к тому же, конфликты между королевской администрацией и местными сеньорами. И если Рожер Бернар оспаривал власть Инквизиции, то он вовсе не гнушался присваивать себе эти штрафы.

Но что было на самом деле, каковы были истинные мысли графа? Очень правдоподобно, что до самого конца Рожер Бернар следовал примеру своих предков. Но его смерть знаменовала конец эпохи. Его вдова и сын предпочли впоследствии допускать Инквизицию проводить расследования на своих землях.

5. Вид замка Фуа ночью

6. Вид замка Фуа днем.

Андорра: вкус независимости

Но он оставил наследство, дошедшее до нас, наследство, на котором виден отпечаток окситанского духа *paratge* и вкуса горцев к свободе. Как только граф в 1274 году вышел из французской тюрьмы, он тут же затеял войну с епископом Уржеля, осадил город, повесил захваченных приближенных епископа перед стенами и приказал вооруженным герольдам провозгласить, что та же судьба ждет остальных руководителей обороны, если те не сдадутся. Епископ и каноники попросили о капитуляции, и граф наложил на них обязательство отменить оммаж, который он должен был приносить епископу, и потребовал безраздельного суверенитета. В условиях договора была клаузула, обязывающая епископа взять все расходы на себя с отсрочкой на четыре года, пока не будет достигнуто одобрение папы, под залог пятидесяти тысяч мельгорьенских су, гарантированных королем Арагона. Эта клаузула, согласно старому праву, является *convenientia*, то есть контрактом, направленным в будущее, и вступающим в силу при наступлении определенных предусмотренных обстоятельств.

Но и через четыре года этот договор не был утвержден папой, и потому Рожер Бернар решил вновь начать войну. Тогда епископ Валенсии предложил свое посредничество в мировом соглашении. Арбитры собрались в Уржель, где совместно составили договор о *pariatge*, который устраивал обе стороны. Этот договор о пареаже был подписан 7 сентября 1278 году. Он сделал Андорру княжеством, но также и республикой. Народ Андорры сделался как бы «третьей стороной» этого акта, подписанного двумя князьями, и ловко обернул ситуацию в свою пользу, играя на противоречиях двух сторон, чтобы обеспечивать себе независимость. Именно такую политику рекомендует им еще в 1718 году *Politar*, трактат, написанный на каталонском языке доном Антонио Фитер-и-Руссель: «Андоррцы, наши предки... не позволяли, чтобы их нейтралитету был нанесен хоть малейший ущерб, и всегда вели себя в духе слов

Писания: «qui spernit modica, paulatim decidet» (Кто уступит в малом, постепенно падет). Если сознательно покоряться, чтобы понравиться одному из государей, то, в конце концов, это может привести к тому, что впоследствии к повиновению принудят силой». Андоррцы, как народ, следовали примеру своего графа, который лавировал, чтобы сохранить свободу.

---

[1] «Край», окружающий Памье и Фуа, и бывший частью катарского епископства Разес.